

Волколупова Владислава Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
volkolupova.v@yandex.ru
Volkolupova Vladislava
Saint Petersburg State University
Faculty of Law
Russia, Saint Petersburg

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЮ ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ И МАРОДЕРСТВУ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в работе рассматриваются сложные вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием уголовно-правовых средств, используемых в целях усиления противодействия применению запрещенных средств и методов ведения войны и мародерству, с учетом новых угроз, возникших на современном этапе для национальной безопасности России, в том числе в связи с принятой в сентябре 2024 г. новой «ядерной доктриной». Автор выделяет существующие в этой сфере проблемы, и на основе анализа имеющихся в уголовно-правовой доктрине подходов к их решению формулирует предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-правовых норм, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ, а также в ст. 356.1 УК РФ.

Ключевые слова: война, оружие массового поражения, вооруженный конфликт, гражданское население, средства и методы, мародерство, уголовная ответственность.

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO THE USE OF PROHIBITED MEANS AND METHODS OF WARFARE AND LOOTING IN THE CONTEXT OF THE LATEST THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation: the paper examines complex issues related to the further improvement of criminal law means to strengthen counteraction to the use of prohibited means and methods of warfare and looting, taking into account the new threats that have arisen at the present stage for the national security of Russia. The author identifies the existing problems in this area, and based on the analysis of the approaches available in the criminal law doctrine to their solution, formulates proposals for further improvement of the norms provided for in Parts 1 and Part 2 of Articles 356 of the Criminal Code of the Russian Federation, in Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: war, weapons of mass destruction, armed conflict, civilian population, means and methods, looting, criminal liability.

Актуальность исследуемой в работе темы обусловлена, прежде всего, тем, что в последние годы на фоне резкого обострения во всем мире социально-экономической, военно-политической и международной обстановки все новые угрозы постоянно возникают и для национальной безопасности нашей страны. Эти новейшие угрозы после начала проведения специальной военной операции Вооруженными Силами РФ на территории Украины особенно обострились, поскольку США и подконтрольные им так называемые «недружественные страны» (Великобритания, Германия, Франция и другие, причем не только входящие в ЕС), используя этот повод, не только ввели (и постоянно вводят) в отношении российского государства беспрецедентные по своим масштабам экономические, политические и иные (даже в сфере спорта) санкции, но и прилагают все усилия для эскалации названного вооруженного конфликта и по сути уже развязали между Россией и странами Запада новую

«информационную войну» с перспективами ее перевода в реальную агрессивную войну.

В этих условиях внесение в 2022-2024 гг. в действующее уголовное законодательство РФ адекватных изменений и дополнений, объективно обусловленных фактическим переводом нашей страны «на военные рельсы», было вполне ожидаемо и безусловно криминологически обосновано.

Началом этого процесса, связанного с реформированием многих уголовно-правовых запретов, устанавливающих или изменяющих пределы ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, против военной службы и против мира и безопасности человечества можно условно признать принятие в экстрординарном порядке Федерального закона РФ от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ [1], что с учетом существующих реалий было безусловно оправданным решением. В то же время после внесения в УК РФ целого ряда поправок, в том числе принципиально новых запретов, возникла объективная потребность в их теоретическом осмыслении на предмет достаточности и обоснованности. Научная разработка этих проблем будет способствовать обеспечению единообразного применения соответствующих уголовно-правовых норм.

В этой связи можно отметить, что с учетом сложившихся в настоящее время реалий, во-первых, объективно требуется дальнейшая корректировка отдельных уголовно-правовых запретов (например, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ), которые не подвергались изменениям с момента принятия действующего в УК РФ в 1996 г. (т.е. 26 лет назад), а во-вторых, некоторые новые нормы (а точнее, восстановленные) не вполне согласуются с правилами юридической техники, а также с имеющимися в современной уголовно-правовой доктрине теоретическими разработками, и с учетом этого представляются небесспорными.

Однако ни названный Закон, ни последующие законодательные новеллы, появившиеся в УК РФ за последние 2 года, вообще не внесли никаких

изменений в регламентацию ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 256 УК РФ). Больше того, можно отметить, что в гл. 34 (Преступления против мира и безопасности человечества) УК РФ остались всего лишь две статьи (ст. 353 и ст. 356), которые являются «долгожителями», в них вообще не вносилось никаких изменений с момента принятия УК РФ в 1996 г.

В то же время, как справедливо отмечают многие авторы [2, 3, 4], законодательная конструкция норм, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ, представляется далеко небезупречной, поскольку в современных условиях с учетом новых реальных угроз, возникших для безопасности нашего государства (в том числе для его территориальной целостности и суверенитета), формулировки отдельных объективных признаков и основного, и квалифицированного состава рассматриваемого преступления не вполне согласуются с существующими в современной уголовно-правовой доктрине теоретическими разработками и порождают трудности в их квалификации.

В этой связи дальнейшая научная разработка проблем, относящихся к усилению противодействия применению запрещенных средств и методов ведения войны с использованием уголовно-правовых средств, приобретает особую актуальность. О целесообразности существенной корректировки отдельных признаков объективной стороны рассматриваемых преступлений свидетельствуют и данные официальной статистики применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Так, по данным ГИАЦ МВД РФ в 2021 г. было зарегистрировано 36 преступлений, предусмотренных ст. 356 УК РФ, соответственно, в 2022 г. – 1056, а в 2023 г. – всего 20 таких преступлений (– 98,1%). Приведенные показатели вряд ли отражают реальное положение дел, а резкое снижение в 2023 г. количества возбужденных уголовных дел по факту применения запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ), наряду с другими объективными и субъективными факторами, в какой-то мере связано и с несовершенством законодательной формулировки рассматриваемой

уголовно-правовой нормы, а точнее, с не вполне корректным описанием в законе отдельных объективных признаков данного состава преступления.

Рассмотрим более подробно частные проблемы, относящиеся к содержанию отдельных объективных признаков состава преступления, предусмотренной ч. 1 ст. 356 УК РФ, которые не имеют однозначного решения и порождают трудности в уголовно-правовой оценке реально совершенных общественно опасных деяний.

Так, у правоприменителей возникают трудности в толковании такого оценочного признака как «жестокое обращение». Это понятие в обобщенном виде нормативно не определено. Ни международно-правовые акты, ни национальное законодательство, ни его толкование в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, не раскрывают содержание данного признака. В силу этого, решая вопрос о применении (или неприменении) ч. 1 ст. 356 УК РФ, рассматриваемый признак толкуется на практике хотя и на основе положений, имеющих в соответствующих международно-правовых актах, ратифицированных РФ (в частности, в Гаагской конвенции и Протоколах 1907 г.; Женевских конвенциях от 12.08.1949 г.: «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» (I Женевская конвенция); «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море» (II Женевская конвенция); «Об обращении с военнопленными» (III Женевская конвенция); «О защите гражданского населения во время войны» (IV Женевская конвенция) и др.), но правоприменитель руководствуется при этом лишь своим внутренним правосознанием, что вряд ли можно признать оправданным.

В. В. Меркурьев, С. А. Пичугин, И. А. Тараканов предлагают решить данную проблему путем внесения в ст. 356 УК РФ примечания, в котором было бы нормативно определено формализованное понятие «жестокое обращение» [2, с. 80]. Однако в предлагаемой ими редакции эти авторы широко используют не менее оценочные термины: «унизительное обращение, непристойное

посягательство в любой его форме» и т.п. Такой подход представляется далеко небесспорным, поскольку он не решает, а скорее обостряет данную проблему. Логичнее, на наш взгляд, не «загромождать» и без того громоздкий УК РФ подобными примечаниями, а принять специальное постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против мира и безопасности человечества», в котором дать соответствующие разъяснения относительно содержания оценочных понятий, содержащихся в гл. 34 УК РФ, в том числе и в ст. 356 УК РФ.

Не менее сложным для правоприменителя является и толкование такого признака объективной стороны рассматриваемого состава, как «разграбление» (национального имущества...). В международном праве, как и в российской уголовно-правовой доктрине это понятие толкуется распространительно, то есть им охватываются не только все формы хищения имущества, но и его вымогательство, а также его уничтожение или повреждение. Такая позиция в принципе представляется вполне обоснованной, но в этой связи целесообразно внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 356 УК РФ, как это предлагает Ю. О. Петрова [5, с. 9-10].

Нами предлагается вместо аморфного термина «разграбление» использовать в диспозиции данной нормы более точное словосочетание «неправомерный захват, уничтожение или повреждение национального имущества или объектов интеллектуальной собственности».

В связи с обновлением основ государственной политики в области ядерного сдерживания и принятия «ядерной доктрины» России и уточнением условий возможного применения ядерного оружия Вооруженными силами РФ, возникла объективная потребность в приведении национального законодательства нашей страны в соответствие с новыми принципами ядерной стратегии РФ.

Безусловно, эта проблема имеет комплексный, междисциплинарный характер, и ее решение возможно лишь путем объединения усилий не только

специалистов в области права, но и известных политиков, а также социологов представителей военной науки, дипломатов. Одним из частных вопросов, относящихся к решению данной проблемы, на наш взгляд, является кардинальная корректировка диспозиции уголовно-правовой нормы, предусмотренной в ч. 2 ст. 356 УК РФ, поскольку в настоящее время в ней установлен полный запрет на применение оружия массового поражения (в том числе ядерного), запрещенного международным договором РФ без каких-либо исключений.

Такая законодательная конструкция нормы, предусмотренной в ч. 2 ст. 356 УК РФ, не вполне согласуется с новой ядерной доктрины России, определяющей условия возможного применения ядерного оружия в качестве крайней меры в случае развязывания и ведения агрессивной войны, в том числе и в отношении «неядерных» государств. Более того, в современных условиях крайне сложной военно-политической обстановки и очевидной девальвации и дискредитации международного права абсолютно бланкетный характер диспозиции рассматриваемой нормы, содержащей отсылку лишь к международному договору РФ тоже вред ли оправдан.

Не претендуя на бесспорность, в качестве одного из возможных вариантов нами предлагается для обсуждения научной общественностью следующая новая редакция ч. 2 ст. 256 УК РФ:

«2. Применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, за исключением применения ядерного оружия в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации в качестве крайней меры, - наказывается...».

На наш взгляд, требуется существенная корректировка и восстановленной в 2023 г. в действующем УК РФ в качестве самостоятельного состава преступления традиционное для отечественного уголовного права общественно опасного деяния, именуемого «мародерство».

Признание в современных условиях мародерства самостоятельным преступлением против мира и безопасности человечества и нормативное закрепление данного состава в новой ст. 356.1 УК РФ, вероятно, связано с тем, что запреты на совершение практически всех деяний, охватываемых понятием «мародерство», установлены в нормах Международного гуманитарного права [6, с. 71-100].

Хотя в советский период мародерство традиционно рассматривалось как одно из воинских преступлений (ст. 266 УК РСФСР), и оно могло быть совершено лишь при ведении боевых действий и только «на поле сражения».

Согласно действующей редакции рассматриваемой нормы, мародерство — это «совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)».

Нетрудно заметить, что определение этого понятия (за исключением указания в нем на два альтернативных признака: времени или места совершения деяния, а также ссылки на отсутствие «вынужденной необходимости») практически идентично определению понятия «хищение», содержащемуся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Таким образом, при буквальном толковании всей совокупности объективных и субъективных признаков, образующих основной состав мародерства, как справедливо отмечает Ю. В. Гончарова [7, с. 267], в случае объявления в России военного положения (как и в военное время) практически все хищения чужого имущества в любой их форме, независимо ни от способа, ни от места их совершения, исходя из «буквы закона», должны будут квалифицироваться как мародерство по соответствующей части ст. 356.1 УК РФ, что представляется совершенно неоправданным решением.

Иными словами, рассматриваемая уголовно-правовая норма (ч. 1 ст. 356.1 УК РФ) в ее действующей редакции практически исключает возможность отграничить этот состав от составов хищений чужого имущества (ст.ст. 158-162 УК РФ), совершенных «в период военного положения» либо « в военное время» (исключение составят лишь специальные виды мошенничества (ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ) и хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ)).

Таким образом, законодательная формулировка, содержащаяся в диспозиции нормы, предусмотренной в ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, вряд ли согласуется с принципом законности, предполагающим соблюдение требования «определенности уголовно-правового запрета» [8].

К тому же, как справедливо отмечается в юридической литературе, в рассматриваемой уголовно-правовой норме имеется и ряд других недостатков, обусловленных нарушением правил юридической техники, которые вызовут сложности в правоприменительной практике, прежде всего, при квалификации данного преступления, а точнее при его отграничении от смежных составов [9, с. 40].

В частности, неясно, какое содержание имеет использованный законодателем в диспозиции рассматриваемой нормы термин «вынужденная необходимость» и как он соотносится с понятием «крайняя необходимость» как обстоятельством, исключающим преступность любого деяния (а не только имеющего признаки мародерства). Если эти понятия идентичные, то включение в конкретную норму Особенной части УК РФ указания на отсутствие при совершении того или иного деяния «вынужденной необходимости» очевидно является излишним (избыточным), поскольку в таких случаях содеянное не является преступлением в силу наличия крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). А если понятие «вынужденная необходимость» имеет какое-то иное, отличающееся от крайней необходимости содержание, то логично было бы определить его и нормативно закрепить в примечании к ст. 356.1 УК РФ,

поскольку иначе, в силу того, что оно имеет явно выраженный оценочный характер, на практике не исключается возможность его произвольного толкования.

Не вполне корректно определен в действующей редакции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ и предмет мародерства: «чужое имущество (в том числе имущество, находящееся при убитых и раненых, имущество гражданского населения).

Однако, при убитых и раненых, а также у гражданского населения могут находиться, а похищаться не только имущество, но и иные, представляющие для мародера интерес, предметы, в том числе и имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ), наконец, такие важные личные документы, как паспорт, удостоверение личности офицера, наградные документы, государственные награды и иные знаки отличия, авторские произведения, объекты интеллектуальной собственности (в том числе в виде компьютерной информации).

На наш взгляд, целесообразно расширить предмет мародерства, включив в него «иные предметы, вещи и документы».

Не вполне понятно, как применительно к действующей редакции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ квалифицировать действия лица, выразившиеся в изъятии и обращении в свою пользу имущества (в том числе военного), захваченного у противника в качестве трофеев при отсутствии корыстной цели, а также в тех случаях, когда такие деяния становятся организованными и систематическими на всей оккупированной территории.

Возникает весьма сложная проблема отграничения мародерства от применения запрещенных средств и методов ведения войны в виде разграбления национального имущества (ч. 1 ст. 356 УК РФ).

Наконец, неясно, как определять момент окончания мародерства, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ), а также

совершенного с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п.«в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ)?

Применительно к хищению чужого имущества такие случаи квалифицируются как разбой (ст. 162 УК РФ) и содеянное признается оконченным преступлением с момента начала нападения независимо от наступления общественно опасных последствий. Но для признания названных квалифицированных видов вымогательства оконченным преступлением и квалификации деяния виновного по п. «в» ч 3 или п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ, исходя из содержания общей диспозиции нормы, определяющей основной состав данного преступления, требуется обязательное «изъятие и (или) обращение чужого имущества...».

Такая законодательная конструкция означает, что поскольку основной состав мародерства является материальным (в отличие от основного состава разбоя), то и особо квалифицированные виды мародерства, предусмотренные п. «в» и п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ, тоже относятся к преступлениям с материальным составом, потому что они должны обладать всеми признаками основного состава, из которого он выделен в качестве самостоятельного состава и, соответственно, такие деяния образуют состав оконченного преступления лишь в случае изъятия чужого имущества и (или) обращения его в пользу виновного либо других лиц (то есть при наступлении преступных последствий). Такой подход к конструированию названных особо квалифицированных видов мародерства вряд ли можно признать оправданным, логично бы сформулировать их по типу формальных составов. Например, п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «в) а равно действия, направленные на совершение мародерства, соединенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия», соответственно, п. «в» ч. 4 этой статьи: «в) а равно действия, направленные на совершение мародерства, соединенные с угрозой убийством».

С учетом изложенного в качестве итогового можно сформулировать вывод о том, что уголовно-правовые запреты, сформулированные в ст. 356 и ст. 356.1 УК РФ, объективно нуждаются в дальнейшем совершенствовании в целях повышения их эффективности в противодействии преступлениям против мира и безопасности человечества и обеспечения их единообразного применения в следственной и судебной практике.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Меркурьев, В. В. Специфика уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны / В. В. Меркурьев, С. А. Пичугин, И. А. Тараканов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 3(101). – С. 73-81.
3. Мироненко, С. Ю. Уголовно-правовая характеристика форм применения запрещенных средств и методов ведения войны / С. Ю. Мироненко // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 8(213). – С. 31-42.
4. Гончарова, Ю. О. Техничко-юридические дефекты регламентации уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны (статья 356 Уголовного кодекса России) / Ю. О. Гончарова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 3. – С. 99-103.
5. Петрова, Ю. О. Нормы о военных преступлениях (ст. 356, 356.1, 359 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. О. Петрова ; Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2024. – 29 с.

6. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. – М., 1957. – 608 с.

7. Гончарова, Ю. О. Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления / Ю. О. Гончарова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 17, № 2(64). – С. 266-271.

8. Наумов, А. В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ / А. В. Наумов // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 88-94.

9. Лобач, Д. В. Уголовная ответственность за мародерство в российском уголовном законодательстве: некоторые правовые проблемы / Д. В. Лобач // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей, Томск, 26-28 января 2023 года. – Томск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. – С. 40-42.